

## Глава 7. Насилием на насилие

Только что извергавший ругательства Чжан Цян мгновенно затих. Он повалился навзничь, задев стул, который с оглушительным грохотом покатился по полу.

Присутствующие заворуженно наблюдали за тем, как пуля, прошив его тело насквозь, вошла глубоко в стену. Но стоило Чжан Цяну коснуться пола, как зияющее пулевое отверстие на его груди принялось стремительно затягиваться.

Однако кровь все равно толчками хлынула наружу, быстро заливая деревянные доски под ним. Его смерть была точной копией гибели Ван Жонань.

Цзян Шэн наконец осознал истинный смысл слов Лу Яня: «Пройдешь хоть одну игру — сам всё поймешь». Увиденное напрочь перечеркивало любые научные законы.

Ему не оставалось ничего другого, кроме как смириться с мыслью, что он действительно оказался в каком-то параллельном измерении.

Скрип ножек стульев прервал его размышления. Сидевшие по обе стороны от Чжан Цяна Сюй Линьфэн и Чу Синь поспешно отодвинулись.

Цзян Шэн поднял взгляд на испуганно отпрянувшую парочку. На их лицах застыло такое омерзение, словно они панически боялись испачкать подошвы чужой кровью.

Воцарилось тяжелое молчание. Прежде чем кто-то успел опомниться, под сводами зала зазвучал механический голос системы:

[Сегодняшний суд окончен. Благодарим шерифа за исполнение своего долга]

[Если шериф доживет до финала и все его приговоры окажутся верными, по окончании игры его ждет особый дополнительный подарок!]

От этого наигранного кокетства по коже Цзян Шэна пробежал неприятный холодок.

— А что будет, если шериф ошибется с приговором или вообще откажется кого-либо судить? — подал голос Цзян Шэн.

К удивлению присутствующих, система отозвалась незамедлительно:

[Шериф, который губит невиновных или позволяет истинному убийце разгуливать на свободе, безусловно, понесет суровое наказание]

Цзян Шэн мысленно усмехнулся. Система явно опасалась, что шериф пойдет на попятную, поэтому охотно пустила в ход и кнут, и пряник.

Оно и понятно: если всё сведется к мирному исходу, таинственным наблюдателям по ту сторону экрана станет попросту скучно.

— Пойдемте поищем чего-нибудь съедобного, — сладко зевнул Лу Янь. Поняв, что система замолчала, он лениво махнул рукой в сторону столовой и первым зашагал к выходу. — Живот прямо к спине прилип, — напустив на себя страдальческий вид, проворчал он.

Стоило ему заговорить о еде, как остальные тоже ощутили урчание в желудках и один за другим поплелись следом.

Когда удушливое напряжение наконец спало, Цзян Шэн покосился на погружившегося в раздумья Чжоу Чуаня. Решив, что тот всерьез обеспокоен угрозами системы, он подошел ближе.

Цзян Шэн ободряюще похлопал его по плечу и негромко произнес:

— Не вешай нос. Будем действовать строго по плану, ориентируясь на проверки Му Чэна.

Немного подумав, он добавил:

— О завтрашнем дне тоже не беспокойся. Далеко не факт, что ведьма решит отравить Чжан Сыцяо именно сегодня. Самый надежный вариант — выгнать её голосованием. Но даже если ведьма опередит нас, мы всегда можем попросить нашего «провидца» проверить Сюй Тун. Она тоже выглядит крайне подозрительно.

Боясь привлечь внимание лишних ушей, Цзян Шэн заговорщически склонился к самому лицу собеседника. Его теплое дыхание коснулось мочки уха Чжоу Чуаня, отчего тот мгновенно вспыхнул.

Чувствуя себя неловко, Чжоу Чуань слегка отступил назад и негромко произнес:

— Я не об этом думаю. — Он поджал губы и посмотрел на собеседника снизу вверх. — Я просто размышляю о Чжан Цяне. У него ведь была возможность примкнуть к мирным жителям...

— В этом и суть правил, — мягко прервал его Цзян Шэн. — Как ни крути, а четверем игрокам суждено примерить шкуру оборотня. Уж лучше пусть злодеями по собственной воле становятся такие, как он, чем система принудит к этому кого-то приличного.

Он кивком указал в сторону кухни. Там Ли Ливэнь, всё еще не отошедшая от потрясения после

гибели подруги, сидела перед тарелкой, не в силах проглотить ни кусочка.

— Для такой хрупкой души и необходимость убивать по ночам, и ожидание дневного приговора стали бы невыносимой пыткой, — вздохнул Цзян Шэн.

Опершись ладонью о край стола, он негромко продолжил:

— Самая жуткая трагедия — это когда за одним столом сходятся исключительно честные и добрые люди. Никто из них не желает зла ближнему, но правила неумолимы, и им всё равно придется отправить четверых товарищей на убой.

Он бросил беглый взгляд на труп Чжан Цяна, застывший с яростными глазами.

— А вот такие гнилые типы, в которых изначально сидит червоточина, жалости не заслуживают.

Чжоу Чуань не стал спорить. Он лишь глухо спросил:

— А почему ты сам примкнул к мирному лагерю?

— Проще победить, — без малейших раздумий отозвался Цзян Шэн.

Он сел рядом с Чжоу Чуанем и с самым серьезным видом добавил:

— Сколько я в реальной жизни ни играл в «Убийство Оборотня», оборотни побеждали по праздникам. — Сделав паузу, он хмыкнул: — Ну, за исключением тех редких случаев, когда у хищников обнаруживался выдающийся актерский талант или среди мирных заводились откровенные идиоты, путающие карты. Но испытывать судьбу, когда на кону стоит жизнь, — глупость несусветная.

Он криво усмехнулся:

— К тому же у меня, видать, лицо прирожденного злодея: в обычных играх провидцы вечно лезут меня проверять в первую очередь. Вот и здесь то же самое. Слава богу, ума хватило не соваться в стаю, не то лежать бы мне сейчас хладным трупом.

Цзян Шэн со вздохом покачал головой — то ли действительно сокрушаясь о своей планиде, то ли просто пытаясь отвлечь Чжоу Чуаня от мрачных мыслей.

Чжоу Чуань долго и изучающе смотрел на него, после чего, тихо выдохнув, поднялся со стула:

— Твоя правда. Идем обедать.

Заметив, что к спутнику вернулось прежнее самообладание, Цзян Шэн незаметно перевел дух: миссия утешителя была успешно выполнена.

Войдя в столовую, они пристроились рядом с Лу Янем. Тот дружелюбно подтолкнул к ним блюдо с треугольными бутербродами и кувшин свежего молока.

Цзян Шэн, хотя и проголодался не на шутку, всё же предусмотрительно понизил голос до шепота:

— Это ведь не Сюй Тун готовила?

Им двигало отнюдь не желание съязвить, а элементарный инстинкт самосохранения — очень уж не хотелось испустить дух из-за банального несварения желудка.

В ответ Лу Янь лишь звучно икнул и безмятежно изрек:

— Как раз её рук дело. — Он сыто развалился на стуле, закинув руки за голову, и покосился на мгновенно вытянувшееся лицо Цзян Шэна. — Да брось ты. На всю компанию у нас всего две кухарки, и одна сейчас бьется в истерике на заднем дворе. Так что выбирать не приходится: либо ешь, что дают, либо соси лапу.

Цзян Шэн лишь мысленно покачал головой: «Ну ты и смертник». Чжоу Чуань, уловив его растерянный взгляд, без лишних слов поднялся из-за стола, подошел к плите и принялся колдовать над сковородой, сооружая две порции ароматного риса с овощами.

Цзян Шэн с тихой благодарностью наблюдал за ловкими движениями Чжоу Чуаня, однако не мог не заметить, что гибель Чжан Цяна оставила в душе того глубокий след. Прежний образ холодного стратега, просчитывающего каждый шаг, дал трещину; сейчас Чжоу Чуань выглядел непривычно уязвимым и потерянным.

\*\*\*

Расправившись с обедом, Цзян Шэн выдумал пустяковый предлог и предложил Чжоу Чуаню немного прогуляться по двору. Тот, не найдя весомых причин для отказа, лишь негромко угукнул в знак согласия.

Снаружи их встретил удивительно погожий день. Щедрое полуденное солнце и легкий ветерок, доносивший сладковатый аромат цветущих клумб, действовали расслабляюще, заставляя на время забыть о царившем в доме кошмаре. Они шли молча, но само прикосновение к мягкому, пружинящему травяному ковру дарило редкое ощущение легкости.

Вот только рис Чжоу Чуаня оказался настолько хорош, что Цзян Шэн набил желудок до отказа. Спустя десять минут ленивая истома взяла свое, и передвигаться на своих двоих ему окончательно наскучило.

Приметив в тени раскидистого куста садовые качели, он с разбегу плюхнулся на деревянное сиденье. Несколько раз шутливо оттолкнувшись пятками от земли, он покачнулся взад-вперед, на миг почувствовав себя беззаботным ребенком.

Хотя, если вспомнить детство, качели на игровой площадке ему никогда не доставались — их вечно оккупировала более бойкая детвора. Позже, став старше, он тоже обходил подобные аттракционы стороной, не желая отбирать забаву у карапузов и выглядеть глупо в глазах прохожих.

— Эх, кабы всё это происходило взаправду, а не в этой чертовой игре... — мечтательно вздохнул Цзян Шэн.

«...я бы очень хотел встретить тебя при других обстоятельствах», — мысленно закончил он фразу. Где-нибудь на побережье, в уютном доме с собственным садом и скрипучими качелями.

Чжоу Чуань сощурился от яркого солнца. Он ничего не ответил, но на его лице на мгновение промелькнула тень смятения.

Цзян Шэн, увлеченный мерным покачиванием, ничего не заметил.

— Послушай, — нарушил он тишину, — а что у вас стряслось с Чу Синь? Откуда у нее к тебе столько злобы?

Чжоу Чуань долго разглядывал мыски своих ботинок, прежде чем тихо обронить:

— Ее младший брат погиб во время предыдущего раунда. Я был рядом. Но не спас его.

Тот сценарий, куда занесло Чжоу Чуаня и Чу Синь, носил название «Зуб за зуб». Суть его казалась предельно простой: заставить жертв школьной травли поднять головы и научить их давать отпор своим мучителям. По крайней мере, именно так они истолковали правила в самом начале.

Брат Чу Синь, Чу Чэн, был совсем юн — лет семнадцати, под стать Лу Яню, разве что покрепче сложением и повыше ростом. В этом возрасте кровь бурлит от обостренного чувства справедливости. Чу Чэн не выносил издевательств над слабыми и беззащитными, а потому горячо вызвался лично опекать местных бедолаг.

Избитым до синяков сиротам и забитым тихоням он твердил: если взрослые закрывают глаза, а полиция бездействует, идите прямиком ко мне. Хвастаясь черным поясом по тхэквондо, этот

юный идеалист обещал перепуганным школьникам надежную защиту, изо всех сил пытаясь казаться им непобедимым рыцарем без страха и упрека.

Он наставлял их точно так же, как это делают благополучные родители, не имеющие ни малейшего представления о жестоких законах стаи:

— Если тебя ударили — бей наотмашь в ответ. Спустишь один раз — так и останешься для них грушей для битья.

Однако красивые книжные истины в жизни частенько не стоят и ломаного гроша.

Чу Чэн до самого финала так и не осознал, насколько губительными оказались его пламенные поучения. Он засыпал и просыпался с мыслью, что совершает великий подвиг, спасая невинные души из лап чудовищ. На деле же юношей руководила слепая мальчишеская гордость. Любому мужчине втайне грезится роль спасителя человечества, и Чу Чэну просто представился шанс ненадолго утолить эту жажду славы. Жаль только, что земной путь этого героя оборвался прямо на спортивной площадке.

Суровая правда жизни состояла в том, что он мог опекать детей лишь короткое время, но никак не всю жизнь. А в игровых реалиях это время и вовсе ограничивалось жалкими семью днями.

Как вспоминал Чжоу Чуань, поначалу всё шло как по маслу. Никаких трудностей, никаких преград — от этой безмятежности сердце сжималось от нехорошего предчувствия. Увы, беспечный романтик искренне верил, будто разгадал тайну названия уровня. Вплоть до самого последнего вечера он пребывал в счастливом заблуждении, предвкушая лавры победителя.

Его сестра Чу Синь в те дни была занята решением других задач на противоположном конце игровой зоны. Регулярно получая от брата восторженные восточки, она не усмотрела в его триумфальном шествии ничего опасного. Прочие участники команды, набранные из случайных людей, и вовсе предпочитали помалкивать, втайне завидуя его силе и боевым навыкам.

Лишь один Чжоу Чуань все эти дни ходил мрачнее тучи, но так и не нашел в себе сил остановить парня. Он и сам не знал, как вырвать несчастных детей из этого заколдованного круга. Если запретить им защищаться силой, то как спастись?

Но когда подопечные Чу Чэна осознали, что их защитник покидает этот мир, маски напускной храбрости мигом слетели с их лиц. Они вновь почувствовали первобытный страх: без надежного щита они были обречены.

Чу Чэн, не замечая их отчаяния, по-братски хлопал ребят по плечам и подбадривал:

— Главное — не трусьте. Если сунутся снова — дайте сдачи, и дело с концом.

Подростки молча выслушивали его речи, понутив головы и напоминая пожухлую от первых заморозков листву. Наконец один худой, как тростинка, мальчик с наливающимся синяком под глазом робко потянул его за рукав:

— Братец, а ты точно не можешь остаться? Не уходи, пожалуйста...

Вслед за ним запричитали и другие ребята, умоляя своего кумира не бросать их на произвол судьбы.

Только самый маленький из них стоял в стороне, не проронив ни слова. Малыш оказался на удивление смысленным: он понимал, что горю слезами не поможешь, да и не хотел обременять спасителя своей эгоистичной просьбой. Вместо долгих прощаний он подбежал, молча вложил в ладонь Чу Чэна горсть мятых конфет в дешевых обертках и тут же припустил прочь к школьным воротам.

Быть может, детское сердце подсказывало ему печальную истину: этот прекрасный рыцарь — всего лишь случайный путник, гость из чужого, недостижимого мира. И если они расстанутся сейчас, то уже навсегда.

Из неловко зажатой ладони Чу Чэна высыпалось несколько леденцов. Они со стуком упали на землю и мгновенно превратились в цветное крошево под ногами пробежавших мимо расшалившихся старшеклассников. Точно так же вскоре разлетится на мелкие осколки и хрупкая жизнь того самого мальчика.

Увы, Чу Чэн тогда был слишком слеп и глуп. Он осторожно высвободил полы своей куртки из цепких детских пальцев. Напоследок он окинул ребят долгим, прощальным взглядом, словно стремясь навечно запечатлеть в памяти их лица. Только искренний порыв, за которым крылось неизбежное предательство.

Нацепив на лицо бодрую улыбку, он помахал рукой и зашагал к массивным дверям, ведущим к выходу из игры. Но стоило ему протянуть руку к заветной ручке, как тело парня неестественно напряглось, и он замертво повалился навзничь под потрясенные вздохи толпы.

Пропитавшаяся свежей кровью земля вскоре породила буйную поросль сорняков — таких же живучих, как и неискоренимое зло, свившее гнездо в стенах этой школы.

Смерть настигла его столь внезапно, что очевидцы застыли соляными столпами. И только Чжоу Чуань мгновенно осознал: стряслась страшная беда.

Он со всех ног припустил обратно к главному корпусу. Вихрем промчавшись по гулким коридорам и преодолев несколько лестничных пролетов, он распахнул дверь класса — и замер. На полу у парты, в луже остывающей крови, лежало тельце того самого нелюдимого мальчика, так и не сказавшего перед уходом заветного «прощай».

Чжоу Чуань не присутствовал при том, что творилось здесь в эти несчастные пятнадцать минут, но воображение без труда дорисовало леденящую душу картину.

Мальчик просто не захотел провожать глазами человека, обещавшего стать его вечной защитой. Он тихонько вернулся в класс, но по дороге его выследили и загнали в угол те самые мучители.

«Его забили ногами», — отрешенно констатировал Чжоу Чуань, разглядывая распростертое на полу тельце.

Пытался ли он дать отпор? Скорее всего — да. Мальчик во всем слушался старших и наверняка свято верил наставлениям Чу Чэна. Он из последних сил старался защищаться, как его учили.

Вот только силенок у несчастного ребенка не было совсем. Хрупкий, изможденный подросток попытался бросить вызов укоренившейся жестокости, но его отчаянные попытки дать сдачи привели к прямо противоположному исходу. Слабые удары лишь подлили масла в огонь, раззадорив малолетних садистов и превратив обычные побои в жестокую казнь.

И теперь это крохотное холодное тело, распластанное на грязном линолеуме, служило немым укором и наглядным доказательством полнейшего краха их благородной стратегии.

Чжоу Чуаня накрыла волна удушающего бессилия. Стоило ему решить, будто он наконец нарастил толстую кожу и надежно защитил свое сердце от чужой боли, как жизнь в очередной раз доказывала, что его броня — не прочнее тонкого пергамента.

Глядя через оконное стекло на школьников, которые после содеянного зверства преспокойно гоняли мяч во дворе, Чжоу Чуань внезапно осознал подлинную, первобытную суть этого сценария.

— Значит... ты убил их? Тех жестоких тварей? — тихо спросил Цзян Шэн.

Чжоу Чуань промолчал. Не подтверждая и не опровергая его догадку, он ровным, безликим голосом поведал о том, что случилось дальше.

Дети, которых они так опрометчиво научили сопротивляться силе, гибли один за другим. Вслед за ними на тот свет отправлялись и не справившиеся с задачей игроки. Практика наглядно продемонстрировала: пустые призывы давать сдачи бесполезны. Жертвами издевательств не зря выбирали самых хлипких, забитых или нелюдимых ребяташек — за них некому было заступиться. Каждому из них приходилось выживать в полном одиночестве.

— Благо это была всего лишь игра, — сорвавшимся, хриплым шепотом обронил Чжоу Чуань.

В реальной жизни разрубить этот узел невероятно сложно: мешают бюрократия, равнодушие



общества, проблемы в семьях. Закон зачастую пасует перед изощренным садизмом тринадцатилетних подростков, которые прекрасно знают о своей безнаказанности. В настоящем мире это почти всегда тупик. Всё, на что способны люди, — это поохать над очередным жутким заголовком в сети, оставить пару гневных комментариев да благополучно забыть обо всем к утру.

Но то была Игра Создания Снов. И в этом суровом пространстве единственным действенным лекарством против насилия было ответное, куда более жестокое насилие.

Цзян Шэн перевел взгляд на колышущуюся у его ног длинную тень Чжоу Чуаня. Ответ на невысказанный вопрос стал предельно ясен.

Он понимал: даже если сам Чжоу Чуань остался в стороне, кто-то из его спутников наверняка безжалостно вырезал этих волчат под корень. Зло было уничтожено, а справедливость — восстановлена.

Правда, торжествовала она лишь в границах жестокой виртуальной иллюзии.

<http://bllate.org/book/20126/2038140>